

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.3

EDN: UPCQMY

Как преодолеть проблему «профессиональных информантов» в полевых исследованиях (на примере изучения повседневной этничности в сельском сообществе)

Ссылка для цитирования:

Галиндаева В.В., Карбайнов Н.И. Как преодолеть проблему «профессиональных информантов» в полевых исследованиях (на примере изучения повседневной этничности в сельском сообществе) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 56–70. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.3> EDN: [UPCQMY](#)

For citation:

Galindabaeva V.V., Karbainov N.I. (2025) How to Overcome the Problem of "Professional Informants" in Field Research (Using the Example of Studying Everyday Ethnicity in a Rural Community). *Interaction. Interview. Interpretation.* Vol. 17. No. 4. P. 56–70. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.3>

Галиндаева Вера Валерьевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vgalindabaeva@gmail.com

Карбайнов Николай Иванович

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: nkarbainov@gmail.com

Одной из методических проблем, которая может возникнуть при проведении качественного исследования, является проблема «профессиональных информантов»: в некоторых полях формируется небольшая группа людей, которые, по мнению местного сообщества, являются носителями локальных знаний, что в результате приводит к потере значительной части

информации и экстраполяции мнений узкого круга информантов на все изучаемое сообщество. Авторы показывают, что в условиях ограниченного временного ресурса одним из инструментов преодоления данной проблемы может стать использование количественных методов. Это позволит не только получать новые данные, которые не вписываются в версию «профессиональных информантов», но и с помощью опроса выйти на тех информантов, которые по причине своей мнимой неэкспертности отказывались от интервью. Материалы этих интервью помогут увидеть другие представления и практики, которые не соответствуют картине «профессиональных информантов». Проблема раскрывается на примере полевого исследования этноконфессиональной ситуации в метисном сельском сообществе села Хасурта (Бурятия). Результаты анкетного опроса и интервью, которые удалось взять авторам при проведении анкетного опроса, показали, что этноконфессиональная картина сельского сообщества более разнообразна, чем выверенная и не-противоречивая версия, которая конструировалась «профессиональными информантами». Благодаря разнообразию полученных посредством стратегии микс-методов данных авторы выстраивают объяснительную модель, в которой отражается сложный процесс взаимодействия категориальной политики локальных элит с повседневными представлениями обывателей.

Ключевые слова: микс-методы; полевое исследование; профессиональные информанты; сельское сообщество; этничность; метисы; Бурятия

Введение

В последние годы исследователи все чаще обращаются к стратегии микс-методов [Creswell, 2015]. Так, например, предлагаются следующие методические стратегии сочетания количественных и качественных методов в рамках одного дизайна: во-первых, стратегия пересекающихся, или конкурирующих, данных, когда качественная и количественная части реализуются одновременно; во-вторых, стратегия дополнительного покрытия, которая предполагает достижение различными методами разных исследовательских задач; наконец, стратегия последовательных вкладов, которая выстраивает цепочку преемственности между данными [Creswell, 2015; Полухина, 2014; Гегер, Гегер, 2015; Большаков, 2017]. Стратегия пересекающихся данных часто применяется в условиях дефицита времени и всегда предполагает триангуляцию и интеграцию количественных и качественных данных [Creswell, 2015]. Однако исследователи предупреждают, что триангуляция методов, основанная на сравнении данных, собранных с помощью некоторых видов качественных методов, с данными, полученными при помощи количественных методов, нередко приводит к конфликту результатов [Штейнберг и др., 2009: 316].

В данной статье мы предлагаем рассмотреть случай, когда стратегия пересекающихся данных становится ключом к эффективному рекрутингу информантов и, соответственно, к получению более насыщенной этнографической

информации в условиях дефицита времени. Трудности доступа к полю могут быть разнообразными [Полухина, 2014]. Здесь мы хотели бы затронуть одну из методических проблем, которая может возникнуть при проведении качественного исследования, — проблему «профессиональных информантов»¹. Данная проблема заключается в том, что в некоторых полях традиционно формируется небольшая группа людей, которые являются, по мнению местного сообщества, знатоками, носителями локальных знаний. Ученые, в свою очередь, обращаются к ним как к экспертам. Нередко это представители местной элиты (например, работники администрации, краеведы, учителя, участники ансамблей). Рядовые члены сообщества отказываются от интервью и отсылают исследователей к «профессиональным информантам», так как считают себя некомпетентными во многих вопросах. В результате происходит некоторая «профессионализация» этих людей как постоянных участников исследований. И проблема заключается не столько в том, что «профессиональные информанты» транслируют, а в том, что остаются неисследованными другие сегменты сельского сообщества, в которых могут существовать иные представления, не всегда совпадающие с мнениями «профессиональных информантов». Интервьюирование только «профессиональных информантов» может привести к нерефлексивной экстраполяции представлений ограниченного круга людей на все сообщество. Данную проблему можно преодолеть путем долговременного нахождения в поле, как это делают социальные антропологи [Pandian, 2019]. А что делать, если времени мало?

С подобной ситуацией мы столкнулись в исследовании метисных сообществ в сельской местности в Республике Бурятия. В этой статье мы покажем на примере одного из полевых кейсов, как анкетный опрос становится не только самостоятельным источником количественных данных, но и инструментом получения доступа к другим информантам, которые обычно не взаимодействуют с учеными в краткосрочных исследованиях.

Контекст исследования

Статья основана на материалах исследования метисных общностей и идентичностей Байкальской Сибири. Одной из таких метисных общностей в регионе, которая сформировалась еще в дореволюционный период, являются карымы — потомки крещеных бурят, которые впоследствии брали жен из русских и смешанных русско-бурятских семей [Галинданбаева, Карбаинов, 2020]. В 2013 году мы провели пилотное полевое исследование в селе Хасурта Республики Бурятия, в месте компактного проживания карымов. Село отличается дуальной этнической структурой: в нем почти с самого основания проживали две общины — карымов и семейских (старообрядцев). Специфика

¹ В данном случае мы различаем «профессиональных информантов» в качественных исследованиях и профессиональных респондентов, которые многократно получают денежное вознаграждение за участие в социологических исследованиях, как правило, в фокус-группах и онлайн-опросах [Рогозин, 2018].

села в том, что потомками русско-бурятских браков являются не только проживающие там карымы, но отчасти и семейские [Галинданбаева, Карбанинов, 2020].

В ходе полевого исследования 2013 года мы использовали исключительно классические качественные методы. Эмпирическую базу исследования тогда составили полуструктурированные интервью с учителями местной школы и участниками фольклорного ансамбля, а также результаты наблюдения. Выборка производилась по принципу «снежного кома»: мы переходили от одного информанта к другому по цепочке². Центральным информантом выступил учитель и краевед, который создал музей при школе, посвященный истории села, и музей «Семейская горница», представляющий реконструкцию интерьера и быта семейской усадьбы начала XX в. Также данный информант являлся на тот момент уставщиком³ семейской общины и руководителем фольклорного ансамбля, который имел статус народного и специализировался на исполнении исконно семейских песен. Артисты из числа жителей села выступали в оригинальных семейских сарафанах, сохранившихся с до-революционных времен, участвовали в культурных мероприятиях в Бурятии и в других регионах России. Рядовые жители отказывались от интервью и отсылали к людям, которых они считали знатоками истории и культуры Хасурты.

Полученные нами результаты мало отличались от результатов других учених, которые также проводили полевые исследования в Хасурте [Тихонова, 2011]. Оказалось, что все посещавшие Хасурту говорили с одними и теми же информантами: смещение выборки в сторону ограниченной группы было очевидным. Жители, названные нами «профессиональными информантами», известны и в селе, и за его пределами, и поэтому логично рассматриваются исследователями в качестве первых контактов, с помощью которых можно получить доступ к полю. Они отличаются открытостью и готовностью к взаимодействию, то есть представляют собой «идеальных» информантов с точки зрения исследователя.

Однако в условиях сельского сообщества выборка на основе снежного кома, начинающаяся с «профессионального информанта», приводит к тому, что исследователь замыкается на одном сегменте — местной элите. Стратегия снежного кома уже сама по себе предполагает некоторый перекос выборки, потому что исследователь идет за выбором информанта, который предоставляет контакты следующего участника и даже предварительно договаривается с ним. Например, В. И. Ильин пишет о риске ложного насыщения, если исследователь полагается исключительно на методику снежного кома [Ильин, 2006: 58–59]. В то же время информант часто ограничен в рекрутировании следующего участника исследования, так как не знаком со всеми представителями генеральной совокупности. В случае сельского сообщества «профессиональные информанты» знакомы со всеми жителями поселения, могут помочь связаться со всеми, но они проводят отбор: ищут знающих и полезных для исследования участников. Таким образом, «профессиональные информанты»,

² Принцип «снежного кома» широко используется социологами, которые проводят качественные исследования [Ильин, 2006; Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020].

³ В Хасурте уставщик — это глава старообрядческой общины.

с одной стороны, являются важными помощниками и проводниками в поле, с другой — допускают только в определенный сегмент сельского сообщества.

В 2017 году мы проводили проект «Метисные сообщества как культурные посредники в межэтнических отношениях (на примере карымов и метисов Бурятии)» при поддержке РГНФ. В проекте мы опирались на теорию этничности Р. Брубейкера, который указывает на важность исследования не только элит и их интерпретаций этнических категорий, но и обывателей и их представлений об этничности [Брубейкер, 2012]. Элиты (локальные, региональные и т. п.), или этнические предприниматели/активисты, всегда проводят политику по гомогенизации населения, продвижению «правильного» содержания этнических категорий, проведению четких границ между группами. Тогда как обыватели нередко разделяют и активно культивируют много других, зачастую «неправильных» версий этнических категорий, которые размывают этнические границы, превращая последние в этнический фронт [Галинда-баева, Карбанинов, 2020].

Таким образом, перед нами стояли две задачи: во-первых, изучить смысловое наполнение этнических категорий, которые поддерживают локальные элиты сельского сообщества; во-вторых, выявить, какие интерпретации этнических категорий распространены среди рядовых жителей села. Нам было важно понять, как простые жители рассказывают историю своего происхождения, трактуют и приписывают этничность, и на примере Хасурты проанализировать взаимоотношения между карымами и семейскими в настоящее время.

Мы вновь, как и в 2013 году, планировали провести интервью с «профессиональными информантами» как представителями местной элиты, чтобы понять, произошли ли изменения за последние годы в их представлениях. Однако мы хотели получить доступ и к обычным жителям, чтобы дать им возможность озвучить свое мнение, которое может противоречить версии «профессиональных информантов», и сохранить свое лицо, поскольку ситуация интервью — это интеракция лицом к лицу, в которой информант старается выглядеть компетентным социальным актором.

В итоге мы решили дополнить качественные методы интервью и наблюдения методом подворового анкетного опроса. Решение включить в исследование количественный метод, сделав дизайн комбинированным, было обусловлено следующими нюансами. Во-первых, согласно повседневным представлениям, анкетный опрос не требует особых знаний, так как в анкете уже заложены варианты ответов на вопросы. Во-вторых, анкета заполняется анонимно, что также снимает психологический барьер и страх ошибиться в ответе. Соответственно, все взрослые жители считают себя компетентными для участия в опросе, происходит выравнивание баланса власти между простыми жителями и «профессиональными информантами». В-третьих, такой метод очень удобен в сельской местности, где основная часть информантов находится дома и занята подсобным хозяйством. Также анкетный опрос позволяет не только получить определенный срез информации, но и завязать разговор с любым жителем села и дальше развить этот разговор в интервью.

Таким образом, на основе уже проведенных этнографических и исторических исследований была разработана анкета, которая включала 45 вопросов о национальной идентификации информантов и их предков, знании бурятского языка, религиозной принадлежности — всех маркерах этнической принадлежности к карымам и семейским. Анкета также включала вопросы об этнических стереотипах и шкалу Богардуса, разработанную для того, чтобы оценивать социальную дистанцию между различными этническими группами [Татарова, 1999].

В полевом исследовании мы представлялись как социологи из Российской академии наук из Санкт-Петербурга. Мы остановились в музее-усадьбе «Семейская горница», в котором до нас также проживали исследователи. Сначала мы посетили нескольких «профессиональных информантов» и позже в этот же день начали проводить подворовой опрос с местными жителями. Подворовой опрос в Хасурте был проведен в июле 2017 года. Он охватил 203 дома из 230, восемь индивидуальных предприятий, фельдшерский пункт, сельскую администрацию, отделение почты и РЭС. Всего было опрошено 169 респондентов из 450 официально зарегистрированных жителей села старше 18 лет.

Рассмотрим сначала особенности проведения интервью с «профессиональными информантами», далее перейдем к анализу особенностей проведения подворового опроса и интервью с рядовыми жителями. В заключении сравним данные, полученные разными методами.

Особенности интервью с «профессиональными информантами»

Исследование показало, что роль «профессиональных информантов» в Хасурте выполняют учителя и участники фольклорного ансамбля, а центральный информант выступает сразу в нескольких ипостасях: учитель, бывший глава администрации села, руководитель детского и взрослого ансамблей, руководитель и владелец двух музеев, уставщик. Здесь же отметим, что все указанные информанты идентифицировали себя как семейских, так обозначая свою принадлежность к определенной религиозной группе в селе. Причем часть из них являются потомками семейских, а часть приняли крещение в «семейскую веру». Таким образом, «профессиональные информанты» этого села, по сути, представляли семейскую элиту, карымов среди них не было.

Для нас было важно перед началом анкетного опроса познакомиться с гла-вой поселения и провести интервью с «профессиональными информантами», рассказать им о целях исследования, установить с ними доверительный контакт. Мы полагали, что, увидев незнакомых людей на улице, жители в первую очередь будут узнавать о них у администрации и уважаемых жителей села (здесь это часто пересекающиеся категории). В этом смысле «профессиональные информанты» (представители администрации) играют важную роль гейткiperов (привратников), которые могут как облегчить, так и затруднить доступ к полю [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 66].

«Профессиональные информанты» одновременно играют три взаимосвязанные роли: публичных фигур, экспертов, политиков. Во-первых, будучи публичными фигурами, они часто выступают в составе ансамбля на разных площадках, гастролируют по республике и по стране, то есть они привыкли представлять семейскую культуру и историю, а также взаимодействовать с разными людьми. Поэтому такие сельчане легко вступают в контакт, открыты к взаимодействию с исследователями и дают достаточно много информации. Исследователь выступает в этом случае в роли активного слушателя.

Во-вторых, они являются экспертами (особенно краеведы), так как обладают глубокими знаниями истории и культуры. Например, лидер и семейский уставщик, учитель, бывший глава администрации поселения, руководитель ансамбля проделал огромную краеведческую работу: собрал фотоальбом, в котором реконструировал генеалогические древа всех семей, поселившихся в Хасурте до революции, и описал их историю почти до 1990-х годов. Многие сельчане хранят у себя этот фотоальбом, то есть у них есть доступ к документально подтвержденной версии истории села и их семей. Также он организовал кружок по плетению семейских поясов, основал два музея. Такой информант обладает экспертными знаниями и может поделиться важной для исследования информацией.

В-третьих, «профессиональные информанты» проводят локальную культурную и идентификационную политику, предлагая выгодные им интерпретацию истории и содержание этнических категорий. С 1990-х годов в Бурятии продвигается дискурс «чистоты» семейских, которых отличала строгость во взаимодействии с другими группами населения: бытует миф, что они, в отличие от других русских переселенцев, не смешивались с местным бурятским населением. С одной стороны, Хасурта опровергает этот миф. В картине мира «профессиональных информантов» население Хасурты исторически состоит из двух этноконфессиональных групп — карымов и семейских. Карымы — это потомки браков между бурятами и русскими. По религиозной принадлежности карымы — православные. Семейские, в свою очередь, — исключительно старообрядцы, потомки как чисто русских, так и смешанных бурятско-русских родов, перешедших из православия в старообрядчество. С другой стороны, жители этого села представляются хранителями «настоящей» семейской культуры, которые, в отличие от более «чистых» сел, сохранили и/или восстановили свои традиции. Таким образом, именно стремление к поддержанию чистоты традиций, то есть их соответствуанию историческому прошлому и региональным нарративам, становится мотивом к конструированию «герметичных» версий этноконфессиональных категоризаций, которые репрезентируются интервьюерам. По нашему опыту интервьюирования «профессиональных информантов», такие интервью получаются длительными, насыщенными информацией. Однако важно учитывать, что данная информация подается под определенным ракурсом, выгодным локальной эlite.

Например, рассмотрим презентации пространственной структуры села в интервью такого типа. По словам «профессиональных информантов», карымы проживают в нижней части села («низ»), а семейские — в верхней

части («верх»). Данные нарративы воспроизводятся в научных работах и материалах СМИ. Так, например, фольклорист Е.Л. Тихонова пишет: «Село Хасурта Хоринского района Республики Бурятия с точки зрения сложившейся в нем этноконфессиональной ситуации и этноконфессиональной идентичности его жителей является уникальным. До сих пор население села делится по конфессиональному признаку на семейских и карымов: в верхней части села проживают семейские, в нижней — карымы» [Тихонова, 2021: 18]. Важной частью «правильных» нарративов о пространственной дифференциации Хасурты представляются рассказы о двух кладбищах — семейском и карымском. Действительно, до революции старообрядцев хоронили на отдельном кладбище, которое находилось рядом со старообрядческой церковью в «верху», а карымов и всех остальных православных — на кладбище, которое находилось рядом с православной церковью в «низу». В советский период церкви были закрыты и хоронить на кладбищах стали произвольно. Однако после восстановления старообрядческой церкви батюшка и уставщик попытались закрыть семейское кладбище от захоронения на нем несемейских и нестарообрядцев. В интервью «профессиональные информанты» продвигали устоявшийся нарратив, который не соответствовал современным практикам в сельском сообществе, однако хорошо поддерживал образ Хасурты как места сохранения «истинных» семейских традиций.

Таким образом, с точки зрения «профессиональных информантов», ключевыми этнодифференциирующими маркерами между семейскими и карымами в Хасурте являются происхождение («кровь»), религия и пространственная структура села (карымский «низ» и семейский «верх», карымское и семейское кладбища).

Особенности интервью в контексте подворового опроса

Рассматривая особенности проведения интервью в контексте подворового опроса, отметим, что в первый день жители села настороженно отнеслись к нам, чужакам, которые ходят с анкетами, многие опасались мошенников. Однако большинство респондентов отвечали на вопросы анкеты. Во второй день жители уже знали и ждали нашего прихода. На третий день жители, которые по каким-то причинам не заполнили анкету, сами подходили на улице, чтобы поучаствовать в исследовании.

Структура пространства сельского домохозяйства отличается от городского, поэтому требует от интервьюера другого подхода. Сельский дом, обычно деревянный, одноэтажный, располагается на участке земли размером до 1 га. Дома стоят вдоль улицы, а дальше за ними тянутся хозяйствственные постройки, огороды и сенокосы. В июле, когда проводился опрос, люди в основном были заняты поливом огородов, сенокосом, а также обычными домашними делами. Участки жителей села обнесены высокими заборами, а стороны домов, выходящие на улицу, отделены от нее палисадами. Хорошо, когда кто-то находится прямо во дворе: достаточно постучать в ворота или в дверь рядом

с ними. Если есть собака, она громко оповестит о пришедших. А что делать, когда никого нет близко? Стук в ворота вряд ли кто-то услышит в доме или в огороде, который находится за домом. В этом случае, если собак во дворе нет или они привязаны, можно пройти к дому и проверить, заперта ли дверь. Не заперта — значит, хозяин либо дома, либо на участке, поэтому следует пройти через сени (веранду), открыть дверь в дом и спросить: «Хозяева здесь?» Именно так односельчане приходят друг к другу в гости без предварительной договоренности. Если хозяин дома, то он пригласит пройти в дом или выйти во двор.

В первом доме, куда мы зашли с анкетой, так и случилось. Нам открыла пожилая жительница, она предложила нам пройти на кухню, налила чай. Опрос мы начали с «низа» села, где должны жить карымы, но открыла нам семейская. Нarrативы «профессиональных информантов» о строгом пространственном разделении между современными жителями села с первой же анкеты не подтвердились. Далее в результате подворового опроса мы выяснили, что пространственная сегрегация «верх — низ» в селе осталась в прошлом. В настоящее время карымы и семейские проживают смешанно на всей территории Хасурты. Последующие интервью с обычными местными жителями, которые нам удалось взять благодаря анкетному опросу, показали, что в советское время в селе возникла более сложная пространственная структура вернакулярных районов, в которой существуют не только «низ» и «верх».

Респондентов сразу предупреждали, что анкетный опрос проводится в целях исследования мнения населения, поэтому правильных ответов в анкете нет, необходимо выбрать ответ, который больше всего нравится. Анкетный опрос проводился анонимно, но нам было важно зафиксировать происхождение респондентов: из семейского рода он(а) или из карымского. Благодаря работе нашего центрального информанта у нас на руках были генеалогические древа всех семейских и карымских родов. Анкета включала вопрос, нацеленный на выявление самоидентификации респондента, но для нас было важно выявить случаи, в которых респондент, например, отказывается от локальной идентичности, отдавая предпочтение другим этническим категориям. В целом для абсолютного большинства опрошенных жителей села локальные идентичности — семейский и карым — были не менее важны, чем принадлежность к русским.

Во время проведения анкетного опроса некоторые респонденты, отвечая на вопросы, начинали размышлять или вспоминать сюжеты, связанные с автобиографией, историей семьи и села. Таким образом, респонденты подворового опроса уже в процессе анкетирования превращались в полноценных информантов, дающих развернутые ответы. Эту дополнительную качественную информацию мы записывали на полях анкеты, на последней странице «Для заметок», а вечером переносили данные в полевой дневник. Случались ситуации, когда после заполнения анкеты мы проводили интервью, которые проходили за накрытым столом: в процессе заполнения анкеты информанты раскрывались, начинали чувствовать себя знатоками сельской жизни Хасурты, так как начинали понимать, что нас интересуют не какие-то

исторические факты, а вполне обыденные для них представления об их повседневной этничности.

Результаты анкетного опроса и интервью, которые нам удалось взять благодаря опросу, показали, что этноконфессиональная картина сельского сообщества более разнообразна и многоцветна в сравнении с выверенной и непротиворечивой версией, которая конструировалась «профессиональными информантами» на первом этапе полевого исследования.

В целом данные интервью с обычными местными жителями показали, что среди жителей Хасурты в понимании категорий «карым» и «семейский» помимо версии, продвигаемой «профессиональными информантами», также существуют альтернативные представления. Нам встречались информанты, которые отвергали разделение жителей Хасурты на карымов и семейских:

«Мы не подразделяем карымов и семейских. Сейчас не поймешь, где карымы, а где семейские. Все перемешано» (м., 35 лет).

В то же время в последующих интервью помимо версии «профессиональных информантов» жители села также называли другие варианты происхождения карымов. Одни говорили, что карымы произошли от смешения бурят с татарами (в этой версии, по сути, отрицается «русскость» карымов), бурят с семейскими, бурят с казаками, семейских с казаками. Респонденты, которые считали себя карымами, придерживались в основном двух версий: карымы — это результат смешения бурят с семейскими или бурят с казаками [Галинданбаева, Карбанинов, 2020].

Другим ключевым маркером, разделяющим карымов и семейских помимо происхождения, в картине «профессиональных информантов» выступает религиозная принадлежность: карымы — православные, а семейские — старообрядцы. Результаты исследования показали, что в Хасурте есть карымы, которые крестились в семейскую веру (старообрядчество). При этом после крещения в старообрядческой церкви некоторые карымы стали идентифицировать себя как семейских (в свою очередь семейские могут не признавать их за своих). Другие продолжают считать себя карымами. Третьи выбирали двойную идентичность: «я — карымка по рождению, но семейская по вере».

Неожиданной находкой полевого исследования, которая не вписывалась в картину «профессиональных информантов», стал еще один принцип категоризации карымов в Хасурте. Кроме представителей основных карымских родов, мы встречали людей, которые приехали жить в село из других регионов, но и односельчане, и сами себя они идентифицировали как карымов. Так, русский мужчина, приехавший из Тюмени, называет себя и трех своих сыновей карымами, потому что нет другого выбора: если не семейский, значит, карым. В этом случае «смешанность кровей», происхождение из карымских семей и религиозная принадлежность не играют никакой роли, так как карымы — это все те, кто не являются семейскими [Галинданбаева, Карбанинов, 2020].

Принцип происхождения («крови») также выступал одним из важных маркеров, определяющих семейских. Но, как показали интервью с рядовыми

жителями, помимо происхождения существуют и другие принципы (само) идентификации. Как высказалась одна из информанток, «семейскими становятся не по рождению, а по принятию семейской веры». У другой информантки родные родители были марийцами, но в раннем возрасте ее удочерили жители Хасурты:

«Отец — русский, казак из Санномыска. В Хасурте его считали карымом. Мать — православная хохлушка. Оба похоронены на семейском кладбище».

Информантка приняла семейскую веру и считает себя семейской. Поет в семейском ансамбле «Родник». Дети, внуки также принимали семейскую веру. Сын информантки до принятия семейского крещения считал себя карымом, а после крещения идентифицирует себя семейским. Таким образом, принцип определения семейских по происхождению («крови») иногда дополняет, а иногда вступает в противоречие с принципом идентификации по вере.

Следует отметить, что «профессиональные информанты» ничего не говорили о бытованиях в Хасурте обрядов буддизма и шаманизма, но, как показывают результаты нашего опроса и последующие интервью, эти религиозные практики широко распространены среди жителей села как у карымов, так и у семейских.

В целом анкетный опрос и интервью, которые нам удалось взять благодаря подворовому опросу, показали, что культурная, историческая и идентификационная политика, проводимая сельской элитой (одновременно «профессиональными информантами»), оказывает только частичное влияние на представления и реальные практики этнической категоризации рядовых жителей Хасурты.

Заключение

В статье мы рассмотрели проблему «профессиональных информантов» в полевом исследовании этнической идентичности в сельском сообществе и предложили для ее решения модель комбинированного полевого дизайна, который позволяет собрать данные разного типа и на их основе составить комплексное представление о формировании религиозно-этнической идентичности. В любых полях (не только в сельских) исследователи могут столкнуться с проблемой «профессиональных информантов», что может серьезно отразиться на результатах исследования. В условиях, когда нет возможности провести долговременное полевое исследование, одним из способов преодоления проблемы, по нашему опыту, может стать использование количественных методик. В нашем случае проведение анкетного опроса позволило не только получить данные, которые не вписывались в версию «профессиональных информантов», но также с помощью опроса выйти на тех информантов, которые сначала отказывались от интервью. Материалы этих интервью помогли

увидеть другие представления и практики, которые не соответствовали картине «профессиональных информантов» об этноконфессиональной ситуации в локальном сообществе.

Таким образом, использование стратегии микс-методов позволило нам получить три типа данных: во-первых, нарративы локальной элиты («профессиональных информантов») с помощью метода интервью; во-вторых, количественные данные анкетного опроса; наконец, нарративы интервью с рядовыми жителями, доступ к которым удалось получить во время проведения анкетного опроса. Благодаря такому разнообразию данных и их триангуляции [Штейнберг и др., 2009], в дальнейшем удалось построить объяснительную модель, которая отражает сложный процесс взаимодействия категориальной политики локальных элит с повседневными представлениями обывателей. Стратегия последовательного комбинирования качественных и количественных методов позволила нам отойти от концепции этнических границ, традиционно популярной среди исследователей, и предложить новую интерпретацию понятия этнического фронтира [Галинданбаева, Карбанинов, 2020].

Литература / References

Большаков Н. В. Сочетать, комбинировать, смешивать: качественные и количественные методы в современной исследовательской практике // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 21–29. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.03> EDN: ZQQENF

Bolshakov N.V. (2017) Bring Together, Combine and Mix: Qualitative and Quantitative Methods in Modern Research Practices. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i socialnye peremeny*. [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 21–29. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.03>

Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.

Brubaker R. (2012) *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Transl. from Eng. by I. Borisova. Moscow: Izdatelkij dom VShE. (In Russ.)

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.

Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) *Kak sobrat dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in a Qualitative Field Study]. Moscow: Izdatelkij dom VShE. (In Russ.)

Галинданбаева В., Карбанинов Н. Карымы и семейские в Бурятии: трансформации этнического фронтира // Ab Imperio. 2020. № 3. С. 115–156. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2020.0059> EDN: MYDKPM

Galindabaeva V.V., Karbainov N.I. (2020) The Karyms and Semeiskie in Buryatia: Transformation of the Ethnic Frontier. *Ab Imperio* [Ab Imperio]. No. 3. P. 115–156. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2020.0059>

Гегер А., Гегер С. Проблема изучения ценностных ориентаций: поворот к микс методам // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 3. С. 25–28. EDN: RWXGIK

Geger A., Geger S. (2015) The Problem of Studying Value Orientations: A Turn to Mixed Methods. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovyh issledovanij* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 3. P. 25–28. (In Russ.)

Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
Ilin V.I. (2006) *Dramaturgiya kachestvennogo polevogo issledovaniya* [Dramaturgy of a Qualitative Field Study]. St. Petersburg: Intersocis. (In Russ.)

Полухина Е. В. Основания и возможности интеграции количественного и качественного подходов в социальных науках: от методологического плюрализма к 3-х парадигмальному континууму // Социология, естествознание, общество. Сб. научных статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности». М.: Сообщество профессиональных социологов, 2014. С. 137–142.

Polukhina E.V. (2014) *Osnovaniya i vozmozhnosti integratsii kolichestvennogo i kachestvennogo podkhodov v sotsialnykh naukakh: ot metodologicheskogo plyuralizma k 3-kh paradigmal'nomu kontinuumu* [Foundations and Possibilities of Integrating Quantitative and Qualitative Approaches in Social Sciences: From Methodological Pluralism to a Three-Paradigmatic Continuum]. In: *Sociologija, estestvoznanie, obshhestvo. Sb. nauchnyh statej i materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Sociologija i estestvoznanie: mezhdisciplinarnye podhody k izucheniju social'noj real'nosti"* [Sociology, Natural Science, Society. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "Sociology and Natural Science: Interdisciplinary Approaches to Studying Social Reality"]. Moscow: Soobshhestvo professionalnyh sociologov. P. 137–142. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Фабрики «темных» ответов, или четыре негативных свойства современных опт-ин онлайн-панелей // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 38–53. EDN: [YMCUPJ](#)

Rogozin D. M. (2018) "Dark Answer" Factories or Four Negative Features of Modern Opt-in Online Panels. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 30. No. 3. P. 38–53. (In Russ.) EDN: [YMCUPJ](#)

Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии. М.: "Nota Bene" Медиа Трейд, 1999. EDN: [RVRQNP](#)

Tatarova G. G. (1999) *Metodologiya analiza dannyh v sociologii* [Methodology of Data Analysis in Sociology]. Moscow: "Nota Bene" Media Traid. (In Russ.)

Тихонова Е. Л. Отражение этнокультурного взаимодействия русских и бурят в фольклоре старообрядцев западного Забайкалья // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй Российской и Монгольской. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 246–255.

Tikhonova E. L. (2011) *Otrazhenie etnokulturnogo vzaimodejstviya russkikh i buryat v folklore staroobryadtsev zapadnogo Zabajkalya* [Reflection of Ethnocultural Interaction of Russians and Buryats in Folklore of Old Believers of Western Transbaikalia]. In: *Sibirskij sbornik — 3. Narody Evrazii v sostave dvuh imperij Rossiijskoj i Mongolskoj* [Siberian Collection — 3. Peoples of Eurasia in the Composition of Two Empires: Russian and Mongolian]. St. Petersburg: MAE RAN. P. 246–255. (In Russ.)

Тихонова Е. Л. К вопросу об этноконфессиональной идентичности жителей С. Хасурта Хоринского района РБ: семейские, карымы, православные (по материалам фольклорной экспедиции) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2021. Т. 19. № 3. С. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.31443/2541-8874-2021-3-19-17-24> EDN: [RZFFYP](#)

Tikhonova E. L. (2021) To the Issue of the Ethno-Confessional Identity of the Residents of the Village Khasurta in the Khorinsk District of the Republic of Buryatia: The Old Believers, Karyms, Orthodox (On the Materials of the Folklore Expedition). *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [East Siberian State Institute of Culture Bulletin]. Vol. 19. No. 3. С. 17–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31443/2541-8874-2021-3-19-17-24>

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб: Алетейя, 2009. EDN: [QOJMXF](#)

Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009) *Kachestvennye metody. Polevye sotsiologicheskie issledovaniya* [Qualitative Methods. Field Sociological Research]. St. Petersburg: Aletejya.

Creswell J.W. (2015) *A Concise Introduction to Mixed Methods Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications.

Pandian A. (2019) *A Possible Anthropology: Methods for Uneasy Times*. New York: Duke University Press.

Сведения об авторах:

Галиндаева Вера Валерьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** vgalindabaeva@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 587134; **ORCID ID:** 0000-0002-3544-5953X; **Researcher ID:** P-7586-2015.

Карбанинов Николай Иванович — научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** nkarbainov@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 497539; **ORCID ID:** 0000-0001-7100-0292; **ResearcherID:** N-8689-2015.

Статья поступила в редакцию: 02.10.2025

Принята к публикации: 01.12.2025

BAK: 5.4.1, 5.4.4

How to Overcome the Problem of “Professional Informants” in Field Research (Using the Example of Studying Everyday Ethnicity in a Rural Community)

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.3

Vera V. Galindabaeva *Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia*
E-mail: vgalindabaeva@gmail.com

Nikolay I. Karbainov *Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia*
E-mail: nkarbainov@gmail.com

One of the methodological problems that may arise while conducting qualitative research is the problem of “professional informants”: in some fields, a small group of people forms who are considered by the local community to be experts and bearers of local knowledge, which ultimately leads to the loss of a significant amount of information and the extrapolation of the opinions of a narrow circle of informants to the entire community under study. In this article, the authors show that, given limited time resources, one of the tools for overcoming this problem was the use of quantitative methods. This made it possible not only to obtain new data that did not fit into the version of “professional informants”, but also, with the help of a survey, to reach those informants who, due to their perceived lack of expertise, refused to be interviewed. The materials

from these interviews also helped to reveal other ideas and practices that did not correspond to the picture painted by the "professional informants". This problem is illustrated by the example of field research on the ethno-confessional situation in a mestizo rural community (Khasurta, Buryatia). The results of the questionnaire survey and interviews that the authors were able to conduct showed that the ethno-confessional picture of the rural community is more diverse and colorful, in contrast to the verified and consistent version constructed by "professional informants". Due to the diverse data obtained through a mixed-methods strategy, the authors develop an explanatory model that reflects the complex process of interaction between the categorical policies of local elites and the everyday perceptions of ordinary people.

Keywords: mixed methods; field research; professional informants; rural community; ethnicity; mestizos; Buryatia

Authors Bio:

Vera V. Galindabaeva — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** vgalindabaeva@gmail.com. **RSCI Author ID:** 587134; **ORCID ID:** 0000-0002-3544-5953X; **Researcher ID:** P-7586-2015.

Nikolay I. Karbainov — Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** nkarbainov@gmail.com. **RSCI Author ID:** 497539; **ORCID ID:** 0000-0001-7100-0292; **ResearcherID:** N-8689-2015.

Received: 02.10.2025

Accepted: 01.12.2025